

ИРИНА
БИЛАРДИ

Неподходящая
ЖЕНЩИНА
для

БОССА

Ирина Биларди

Неподходящая женщина для Босса

<https://litres.ru/74558597>

Аннотация

— Назовите сумму, Полина. Я выкупаю все ваше время.

— Чужие улыбки не продаются по безналу, Глеб Валерьевич

Я — клоунесса.

Мне тридцать пять, я устраиваю детские праздники, прячу шрамы за ярким реквизитом и давно смирилась с тем, что собственного малыша у меня никогда не будет. Именно из-за приговора врачей о бесплодии однажды в дребезги развалился мой брак.

Глеб Арсеньев — холодный, жесткий, неприступный. В его стерильном, вымороженном особняке нет места слабостям. Детей он не любит. Семью не хочет. Женщин в свою жизнь не пускает.

Но когда я узнаю, почему он на самом деле столько лет избегал детей, мне придется взглянуть в глаза самой жестокой правде. Ведь самым большим препятствием между нами оказались вовсе не деньги, возраст и разные миры. А то, что мы оба слишком хорошо знаем, как невыносимо больно терять семью.

ВАША ПОДДЕРЖКА НА СТАРТЕ КНИГИ ОЧЕНЬ ВАЖНА
ДЛЯ АВТОРА!

♥# Не забудьте поставить звездочку

И добавить книгу в библиотеку

Проды - каждый день

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Визуал	16
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	50
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1

Я сижу по-турецки на полу посреди огромной гостиной, больше напоминающей зал ожидания в элитном крематории.

Вокруг — гектары полированного серого керамогранита, холодный графитовый велюр диванов, на которых, судя по их девственной гладкости, никто никогда не сидел без предварительной санобработки, и панорамные окна в два этажа.

За окнами хлещет злой осенний дождь, размазывая по стеклу огни подмосковного поселка, а здесь, внутри, пахнет кондиционером, дорогим деревом и гулкой, замороженной пустотой.

И прямо в центре этой стерильной вселенной сидим мы: я — в бирюзовом комбинезоне с гигантскими оранжевыми пуговицами и полосатых желто-зеленых носках, и шестилетняя Соня — худенькая, прозрачная девочка в огромном сером худи, похожая на испуганного воробышка, случайно залетевшего в ангар для частных джетов.

— Полли, он у меня... не получается, — шепчет Соня, и ее пальчики замирают над куском лилового пластилина.

Она говорит тихо, почти не разжимая губ. Старается не смотреть мне в глаза.

— Кто? — я заглядываю в ее поделку, театрально округляя глаза. — Этот фиолетовый пельмень? Соня, обижаешь!

Это же шедевр авангарда.

Девочка едва заметно дергает уголком рта, но тут же пугается собственной улыбки.

Она зовет меня Полли. Сама так решила полчасика назад, когда я, переступив порог этого мавзолея с чемоданом на колесиках, честно объявила: «Официально я Полина, но от этого имени у меня чешется нос и вянут уши. Для друзей — Поля. Договорились?»

Она тогда лишь молча кивнула.

Когда три дня назад мне позвонила Лиза — давняя заказчица и близкая подруга Валерии, мамы Сони, — в трубке стоял сплошной всхлип.

Лера разбилась на трассе под Владимиром. Скользкая дорога, фура, перевернутая всмятку машина. Выжила чудом, сейчас в институте Склифосовского, перенесла три операции, впереди месяцы тяжелой реабилитации, и к ней пока никого не пускают.

Соню забрал к себе единственный родственник — родной старший брат Леры, Глеб Валерьевич Арсеньев.

«Поля, ради бога, приезжай, — умоляла Лиза. — Соня угадает. Она замкнулась, молчит третью неделю, вздрагивает от каждого звука. Брат Леры... ну, он Арсеньев. Он оплатил лучших врачей, нанял няню, выделил охрану, но он же каменный! Он с живыми людьми разговаривать не умеет, только контракты подписывать. Я уговорила его разрешить

праздник, сказала, что это сюрприз. Он скривился, но дал добро. Приезжай, а?»

Я приехала.

Выгрузила из багажника свой потрепанный ярко-красный кейс, прошла через трех угрюмых охранников на КПП, миновала домработницу с лицом надзирательницы викторианского пансиона и оказалась в эпицентре детского горя.

Первые десять минут я просто сидела рядом. Вытащила из сумки колонку, посмотрела на Соню — на ее сжатые кулачки, на темные тени под большими глазами — и убрала колонку обратно. Никакой дурацкой музыки. Никаких хоро-водов, мыльных пузырей и визгливых криков: «А ну-ка, детки, похлопаем!».

Соне не нужны были аниматоры. Ей нужно было безопасное пространство, где никто не требует быть веселой и нормальной, пока мама лежит в бинтах между жизнью и смертью.

Я просто вывалила на пол килограмм мягкой полимерной глины, села рядом и стала молча лепить кривого ушастого зайца. Через пять минут Соня робко потянулась за лиловым бруском.

— Он... стласный, — вдруг выдавливает Соня, глядя на поделку, и тут же густо, мучительно краснеет. Вжимает голову в плечи, прячет руки в рукава худи.

Она проглотила «р». Сказала «стласный» вместо «страшный».

Я знаю эту историю. Лиза предупреждала: у Сони легкая дислалия, она картавит, а после аварии на нервной почве дефект обострился. В элитном садике какая-то мелкая дрянь посмеялась над ней, и Соня захлопнулась окончательно. Решила, что лучше молчать, чем говорить «неправильно».

Я замираю. Ни в коем случае нельзя делать сочувственное лицо. Сочувствие от чужой тетки сейчас добьет ее окончательно.

— Страшный?! — я, картинно хватаясь за сердце и плюхаясь спиной прямо на персидский ковер, толщина ворса которого могла бы укрыть небольшую бедуинскую семью. — Да он ужасающий! Он монстр подкроватный, высшей категории! Знаешь, чего он требует?

Соня настороженно поднимает на меня глаза из-под длинной челки.

— Чего? — шепчет еле слышно.

— Он требует, чтобы его немедленно напугали в ответ! — я подтягиваю к себе ноги. — Звука разъяренного... э-э-э... саблезубого бобра!

— Боблы не бывают саблезубыми, — тихо замечает Соня, но в ее голосе впервые за этот вечер звенит живая интонация спора.

— Это обычные не бывают. А подмосковные, мутировавшие на элитных харчах, — сплошь и рядом! — авторитетно заявляю я. — Смотри, как надо. Набираешь побольше воздуха в пузо... Вот сюда, — я легко тыкаю пальцем в ее худи,

Соня от неожиданности прыскает, — и выдаешь: «Бр-р-р-р-ысь отсюда, лиловая колбаса!» Ну-ка, повтори, а то он сейчас мой правый ботинок сгрызет!

Соня смущенно прижимает ладонь ко рту.

— Я не умею. У меня глупо получается.

— Глупо?! — я возмущенно вскидываю брови. — Женщина, вы оскорбляете профессионала! Я пятнадцать лет зарабатываю на жизнь тем, что выгляжу максимально глупо. Это моя суперсила. Смотри, как я умею: Тр-р-рактор ехал по кустам, подавил весь тар-р-рарам! У меня правая щека при этом дергается, видишь?

Я издаю абсолютно дикий, дребезжащий звук, надув щеки и выпучив глаза. Звук получается средним между заводящимся мотороллером «Муравей» и рычанием сытого шпица.

Соня не выдерживает. Она коротко, отрывисто хрюкает в кулак, потом еще раз — и вдруг заливается тонким, серебристым смехом. Настоящим. Не вежливым, а тем самым, детским, который идет откуда-то из самой глубины ребер.

— У вас... щека как желе! — сквозь смех выговаривает она.

— А ты попробуй! Рычи на пельменя!

Она колеблется секунду, сжимает тонкие кулачки, зажмуривается и выдает тихое, старательное:

— Пр-р-рочь!

Горловое, смазанное, но настоящее «р»!

— Громче! Он еще шевелится! — подзуживаю я, подо-

двигая к ней пластилинового уродца. — Рычи, как голодный тигр, у которого отобрали сосиску!

— Р-р-разойдись! — уже смелее и звонче кричит Соня, распахивая глаза, в которых наконец-то вспыхивают шальные озорные искорки.

— Караул! — смеюсь я, падая на бок и закрывая голову руками. — Меня атакует свирепый хищник! Спасите клоуна!

Соня хохочет во весь голос, запрокинув голову, хлопает в ладоши, забыв и про свой просторный серый балахон, и про тишину мертвого дома, и про то, что радоваться, когда маме больно, кажется преступлением.

И в этот самый момент тишину коридора взрезает тяжелый, мерный шаг.

Двойные дубовые двери распахиваются без стука.

На пороге возникает человек, рядом с которым даже нордический дизайн этой гостиной кажется верхом уюта и душевной теплоты.

Дядя Глеб.

Глава 2

Господи, он выглядит так, словно его вытесали из цельного куска гранита, причем пьяный скульптор пользовался исключительно тупым топором. Высокий, широкоплечий, в безукоризненно подогнанном темно-сером костюме-тройке и расстегнутом пальто, которое он небрежно держит на сгибе руки. Лицо жесткое, дубленое ветрами и чужими банкротствами, тяжелая челюсть выбрита до синевы, а глаза... Темно-карие, почти черные, они сканируют пространство с эффективностью прицела снайперской винтовки. Возраст — под пятьдесят, но в теле чувствуется пружинистая, давящая сила бойца, который не привык тратить слова попусту.

Он держит у уха тонкий телефон, слушая кого-то на том конце, но, сделав шаг в комнату, замирает.

Смех Сони обрывается на полуноте. Она мгновенно съезживается, подтягивает колени к груди и прячет подбородок в воротник, становясь крошечной и невидимой.

Арсеньев опускает трубку. Взгляд его тяжелых глаз скользит по разбросанным на ковре блесткам, обрезкам гофрированной бумаги, расплюсненному фиолетовому пластилину, мимолетно цепляет сжавшуюся племянницу и, наконец, всей своей многотонной массой обрушивается на меня.

Я лежу на боку, подперев щеку кулаком, в бирюзовом комбезе, с растрепанным рыжим хвостом на макушке и в носках

цвета бешеного лимона.

— Я перезвоню, — роняет он в телефон голосом, от которого комнатные растения должны были мгновенно сбросить листья.

Он убирает аппарат во внутренний карман пиджака. Медленно, с убийственной грацией хищника, подходит ближе. Останавливается у края ковра, словно боясь испачкать начищенные до зеркального блеска оксфорды о наш веселый хаос.

— Что здесь происходит? — спрашивает он.

Интонация ровная, низкая, вибрирующая. Так обычно спрашивают следователи перед тем, как защелкнуть наручники.

Я не спеша поднимаюсь, отряхивая колени от невидимой пыли. Роста во мне метр шестьдесят пять в прыжке, так что смотреть на него приходится снизу вверх, сильно задрав подбородок. Но благоговеть перед мужиками в дорогих костюмах я разучилась лет пять назад, когда мой бывший муж уходил от меня с чемоданом моих же иллюзий, заявив напоследок, что «брак без наследников — это убыточный стартап». С тех пор у меня стойкий иммунитет к чужому пафосу.

— Происходит спасение галактики, — бодро рапортую я, лучезарно улыбаясь прямо в его непроницаемую физиономию. — Добрый вечер. Вы, надо полагать, дядя Глеб? А я Полина. Можно просто Поля, если не боитесь нарушить субординацию.

Его бровь медленно ползет вверх. Взгляд смещается вниз, на ворс.

— Вы в курсе, — это он произносит с легким нажимом, — что этот ковер привезен из Исфахана? Ручная работа, шелк и шерсть. Ему больше ста лет.

— Ого, — я с уважением цокаю языком и пинаю носком пластилиновый шарик. — Сто лет? Тогда он прекрасно сохранился для своего возраста. Чего не скажешь о нервной системе присутствующих. А вообще, ковры для того и придуманы, чтобы на них сидели, разве нет? Иначе зачем вы его купили? Для демонстрации финансового превосходства перед пылесосом?

У Арсеньева слегка дергаются желваки. Кажется, за последние лет двадцать ему никто не дерзил в собственном доме. Особенно женщины с блестками на щеках.

— Здесь бардак, — констатирует он сурово, игнорируя мою тираду. — Полный разгром.

— Это не бардак, — терпеливо объясняю я, подходя к Соне и опуская ладонь ей на худенькое плечо. Девочка под моей рукой напряжена, как натянутая струна. — Это творческий беспорядок. Праздник с ребенком без беспорядка — это не праздник, Глеб... простите, как вас по батюшке? Арсеньевич? Это совещание совета директоров.

За моей спиной раздается едва слышный смешок. Соня прижала ладошку ко рту, ее глаза блестят. Она смотрит на дядю — на грозного, страшного дядю Глеба, перед которым

вытягиваются в струнку охранники и горничные, — и видит, как рыжая тетка в клоунском комбинезоне отчитывает его за отсутствие фантазии.

Арсеньев переводит взгляд на племянницу. Выражение его лица неуволимо меняется — гранит чуть трескается, в глубине темных глаз мелькает что-то теплое, но он тут же снова натягивает маску ледяного контроля.

— Лиза просила устроить мероприятие на два часа, — он бросает взгляд на свои массивные платиновые часы. — Время истекло пятнадцать минут назад.

— Счастливые часов не наблюдают, — парирую я. — А мы тут как раз учились рычать на лиловых монстров. Соня, покажи дяде, как звучит правильный подмосковный бобр!

Девочка тут же пугается, втягивает голову в плечи и отрицательно мотает головой. Слишком быстро. Слишком много давления.

Арсеньев сухо поджимает губы.

— Прекратите этот цирк. Соне пора ужинать и готовиться ко сну.

Он разворачивается, собираясь уйти в глубину коридора, и в этот момент я чувствую, как пальчики Сони судорожно вцепляются в ткань моего комбинезона сзади.

Она каменеет. Глаза распахиваются, становясь огромными, темными, полными первобытного, животного ужаса. Она провожает широкую спину дяди взглядом человека, у которого прямо сейчас уходит из-под ног последний кусок

суши.

Я знаю этот взгляд. Я видела его в детских больницах, в отделениях травматологии, куда иногда приезжаю волонтером. Это не каприз. Это панический страх брошенного щенка. После того как маму увезла с воем скорая, разлучив их за долю секунды, Соня живет в постоянном кошмаре: любой взрослый, который отворачивается и уходит за дверь, может исчезнуть навсегда. Раствориться. Разбиться. Умереть.

И этот чертов мамонт в кашемировом пальто даже не понимает, что делает.

Визуал

Полина

Глеб Валерьевич

Глава 3

Соня застывает соляным столбом, и в ее крошечных пальцах ткань моего комбинезона натягивается так, что вот-вот затрещат швы. В ее круглых глазах нет каприза — там плещется ледяной, первобытный ужас. Она провожает его широкую серую спину взглядом человека, у которого прямо сейчас из-под ног уходит последняя опора.

Дети после таких потрясений боятся не темноты и не строгих взрослых — они боятся тишины и закрывающихся дверей. Потому что однажды за мамой уже захлопнулась дверь, и мама не вернулась.

Я, конечно, не могу распоряжаться в этом доме. Хозяин здесь Глеб — человек с железным взглядом, привыкший управлять людьми и ресурсами, перед которым вытягиваются в струнку охранники.

Но если он сейчас просто шагнет за порог, все два часа кропотливой работы пойдут прахом, а девочка снова провалится в свою глухую раковину.

— Глеб Валерьевич, подождите, — говорю я.

Голос звучит достаточно настойчиво, чтобы заставить его притормозить. Я окликаю человека, который вот-вот наступит на мину, сам того не зная.

Он замирает на пороге. Медленно, словно не веря, что в его собственном доме кто-то пытается его остановить, обо-

рачивается. Пальто висит на сгибе руки, брови тяжело сдвинуты к переносице.

— Полина, — роняет он, и мое имя в его интонации звучит почти как статья административного кодекса. — Я, кажется, ясно дал понять: праздник окончен. У меня дела.

— Дела никуда не убегут, если вы задержитесь ровно на три минуты, — я мягко накрываю ладошку Сони своей рукой, осторожно сжимая ее холодные пальцы, чтобы вернуть девочку в чувство. Делаю шаг вперед, пуская в ход всю свою дипломатию: открытый взгляд, полуулыбку и спокойную уверенность. — Пожалуйста. Три минуты по вашим часам. Мы просто не можем уйти, не закончив игру по правилам.

— По каким еще правилам? — он хмурится, но взгляд — я замечаю это — все-таки переводит на племянницу.

А Соня смотрит на него снизу вверх, затаив дыхание, будто от его решения зависит судьба всего мира.

— По правилам безопасности, — не моргнув глазом, сочиняю я. — Из сказки нельзя выходить на середине, иначе монстр останется в гостиной и съест всю запеканку. Нам нужен свидетель, который утвердит закрытие портала. Вы.

— Это ерунда, — холодно отзывается он, но с места не двигается. Стоит, напряженный, как натянутый металлический трос.

— Ерунда иногда спасает жизнь, Глеб. Три минуты. Присадьте к нам на ковер. Обещаю, он не испачкается, я лично

прослежу.

Глеб смотрит на меня с искренним недоумением. Ему явно редко предлагают сесть на пол посреди рабочего дня, да еще и уговаривают так невозмутимо. Он привык к подчинению или к деловым спорам, но перед клоунессой с блестками на щеках его привычные алгоритмы почему-то дают сбой.

Секунды тянутся густо и вязко.

Наконец он шумно, тяжело выдыхает сквозь зубы.

— Три минуты и вы собираете вещи.

Он делает то, чего я, признаться, почти не ожидаю: сбрасывает пальто на спинку кресла, резким движением расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, ослабляя узел галстука, подходит ближе и тяжело, неловко опускается на одно колено у края ковра. Огромный, гранитный, совершенно не вписывающийся в наш разноцветный хаос.

Соня рядом со мной тихонько ахает.

— Отлично, — я снова сажусь по-турецки, подхватывая нашего кривого лилового монстра. — В нашей истории вы назначаетесь... Главным Драконом Башни. Дракон строгий, вечно занятой, дышит годовыми отчетами и никого не пускает к себе. Соня — принцесса, которая просит разрешения на перемирие. Чтобы закрыть сказку, дракон должен издать свой фирменный рык.

Глеб устремляет на меня немигающий, тяжелый взгляд:

— Я не стану рычать.

— Ну почему сразу «не стану»? — с мягким укором тяну

я, чуть наклоняя голову. — Неужели для вас это невыполнимая задача? Соня, покажи дяде, как выглядит грозный хищник!

Девочка, все еще не веря, что дядя не ушел, робко вытягивает ручки, растопыривает тонкие пальцы и тихо, шепотом выдает:

— Пр-р-рочь...

Глеб смотрит на ее пальчики. В его темных глазах на миг проступает странное выражение — глухая, растерянная тоска. Человек, ворочающий миллионами, явно чувствует себя растерянным перед маленькой девочкой, у которой мать лежит в больнице. Он выглядит так, будто участие в этой детской глупости требует от него больше мужества, чем жесткие переговоры с конкурентами.

— Дракон... занят, — глухо произносит он, глядя куда-то в пространство между мной и Соней. Голос звучит монотонно, деревянно, абсолютно официально. — У дракона... исчерпан лимит времени.

— Глеб Валерьевич, ну кто так пугает окрестности? — всплескиваю я руками. — Вы дракон или сотрудник налоговой инспекции? Соня, выручай! Покажи, как надо!

Соня смотрит на дядю. Тот сидит на полу — большой, хмурый, нелепый в этой роли — но он сидит. Он здесь. Он не захлопнул дверь. И эта простая мысль зажигает в ее глазах настоящий, озорной огонек. Она набирает полную грудь воздуха, жмурится и звонко, отчетливо выдает:

— Р-р-разойдись!

Чистейшее, звонкое, победное «р»!

Глеб вздрагивает. Его брови едва заметно приподнимаются. Он смотрит на Сонино сияющее лицо так, будто она прямо сейчас совершила невозможное. Ведь последние три недели она едва слышно шептала, стыдясь каждого звука.

Уголок его жесткого рта едва заметно вздрагивает, ползет вверх.

— Оставляю... без десеррта, — вдруг низко, с неподдельной хрипотцой и утробным рычанием выдает он. Звук получается неожиданно густым, раскатистым, настоящим.

Соня взвизгивает от восторга и валится на спину, заливаясь безудержным, серебристым хохотом.

— Он зал-р-рычал! Полли, ты слышала?! Он правда зал-р-рычал!

Пока Соня катается по ковру, хохоча и дрыгая ногами, Глеб делает короткое, плавное движение. Молча берет с журнального столика высокий стакан с водой, оставленный прислугой, и аккуратно сдвигает его вглубь полки — так, чтобы Соня случайно не задела его локтем. Ни единого ласкового слова. Никаких объятий или улыбок. Просто сухое, точное, оберегающее действие.

Глеб поднимает взгляд и ловит мои глаза. На долю секунды в его лице проступает странная усталость, но он мгновенно

но берет себя в руки. Поднимается с колена, одергивает полы пиджака.

— Время вышло, Полина, — произносит он ровно, возвращая дистанцию.

— Да, — тихо отвечаю я, поднимаясь следом. — Спасибо вам за сказку.

Он сдержанно кивает и выходит из гостиной, на этот раз прикрывая за собой дверь без резкого хлопка.

Я начинаю быстро упаковывать реквизит. Лиловый монстр отправляется в контейнер, обрезки бумаги и блески сметены в мешок. Соня сидит на ковре, плотнее кутаясь в плед, и наблюдает за моими сборами. В ее взгляде нет прежнего парализующего страха, только тихая, сонная грусть.

— Полли? — зовет она тихо.

— Что, Совенок? — я затягиваю молнию на сумке.

— А ты... еще плидешь?

Она снова проглатывает звук, но уже не прячет глаза и не вжимает голову в плечи.

В груди болезненно ноет. Господи, как же сложно не давать обещаний, когда на тебя смотрят с такой чистой надеждой. Но я знаю свое место: я временный гость, нанятый на один вечер. Глеб платит за результат, а не за сентиментальность, и вряд ли хозяин этого дома захочет снова терпеть в своих стенах шумную клоунессу.

— Это тайна за семью замками, Ваше Высочество! — я широко улыбаюсь, подмигивая ей и подхватывая ручку че-

модана. — Но ты продолжай рычать на монстров. Договорились?

— Договоилились, — тихо улыбается она, зевая.

Я выхожу в полутемную, гулкую прихожую. Домработница уже ждет у двери, держа наготове мою куртку. На столике из черного камня тускло блестит металлическая чаша для ключей. Повинуясь профессиональному автоматизму, я достаю из кармана визитку — ярко-оранжевую, с забавным шрифтом: “Агенство ”Шапито“. Полина. Праздники любой сложности”. Кладу ее на край стола. Вряд ли позвонят, но привычка сильнее меня.

Тяжелая входная дверь за мной закрывается.

На улице хлещет промозглый, косой дождь. Я добегаю до своего старенького «Пежо», закидываю чемодан на заднее сиденье и плюхаюсь за руль, захлопывая дверь перед сырой темнотой.

Мотор не завожу. Просто сижу, уронив лоб на холодный пластик рулевого колеса.

В салоне пахнет старой обивкой, дождем и мандаринами от реквизита. Дворники застыли на стекле, по которому текут сплошные водяные полосы, размывая огни поселка.

Только сейчас меня догоняет то, что я старательно прятала за шутками и клоунскими ужимками.

Шесть лет. Соне шесть лет. Она хрупкая, смешная, испуганная, но живая. Ее можно укутать в плед, рассмешить глупой рожицей, научить не бояться букв...

А в моей собственной жизни этого никогда не случится.

Перед глазами снова всплывает белый, залитый солнцем кабинет женской консультации семилетней давности. Равнодушный голос врача, шелест карточки: «Трубный фактор, истощение запаса. Шансов на естественную беременность нет, Полина Николаевна». И воспоминание о муже, который после этого диагноза просто собрал чемодан, сухо бросив на прощание, что семья без детей не имеет для него никакого смысла.

Я тогда проплакала три недели, а потом зарегистрировала агентство праздников и натянула клоунский нос. Стала дарить чужим детям то, чего никогда не смогу дать своему. Это была идеальная защита. Надежная броня.

Только сегодня эта броня дала трещину. Слишком больно было видеть одинокую девочку в огромном чужом доме и сурового мужчину, прячущего тревогу за ледяным тоном.

Я провожу рукавом по щеке, смахивая предательскую мокрую дорожку.

— Ну все, Воронцова, хватит, — вслух говорю я себе, выпрямляясь. — Спектакль окончен. Гонорар Лиза переведет. Работа сделана.

Поворачиваю ключ в замке. Машина вздрагивает, двигатель натужно оживает, фары выхватывают из темноты мокрый асфальт. Я трогаюсь с места и выруливаю на трассу, оставляя позади высокий забор поместья, твердо уверенная, что больше никогда не переступлю этот порог.

Глава 4

За дверью моего кабинета наконец наступает тишина, но эта тишина неправильная. Бракованная.

В ней нет привычной стерильной плотности, к которой я приучал этот дом последние десять лет. Сквозь фильтрованный, выверенный до долей процента воздух приточной вентиляции отчетливо тянет чем-то посторонним: дешевой кондитерской ванилью, мандариновой коркой и той синтетической пылью, которая остается от хлопушек.

Я стою у панорамного окна, глядя, как серые потоки подмосковного ливня хлещут по бронированному стеклу. Где-то внизу, за поворотом подъездной аллеи, вспыхивают и растворяются в темноте тусклые габариты старого ведра на колесах. Французский хэтчбек. Глушитель дребезжит так, будто вот-вот отвалится на гравий.

Уехала.

Я медленно выдыхаю сквозь зубы и растираю переносицу. Я — человек, перед которым навтыяжку стоят министры и чьего звонка часами ждут управляющие швейцарских банков, — по слогам изображал чертова дракона.

«По правилам безопасности, — звенел в ушах ее насмешливый, абсолютно не боящийся меня голос. — Из сказки нельзя выходить на середине».

Полина.

Девчонка. Пигалица с растрепанным рыжим хвостом, в нелепом бирюзовом мешке с гигантскими оранжевыми пуговицами и полосатых носках. От нее разило полным, вызывающим пренебрежением к субординации. Ни тени почтения. Ни малейшего страха перед моим тоном, от которого у топ-менеджеров непроизвольно сводит желудки. Она смотрела мне в глаза так, будто я был не владельцем промышленного холдинга, а нашкодившим подростком, который по дурости забрел на детскую площадку в грязных ботинках.

«Праздник с ребенком без беспорядка — это совещание, Глеб Валерьевич».

Я с силой сжимаю кулаки, чувствуя, как под кожей натягиваются сухожилия. Раздражение не уходит, оно ворочается в груди тяжелым, колючим комом. Больше всего на свете я ненавижу, когда ситуация выходит из-под контроля. Хаос — это слабость. Хаос — это щель в броне, куда рано или поздно прилетит смертельный удар. Я выстроил свою жизнь как бункер высшей категории защиты: ни одного лишнего звука, ни одного случайного человека, ни единой эмоции, которую нельзя оцифровать и занести в графу текущих расходов.

И вдруг в этот бункер с ноги вваливается клоунесса с чемоданом пластилина и за два часа разносит к чертям весь мой выверенный порядок.

На столе негромко щелкает селектор.

— Глеб Валерьевич, — раздается из динамика сухой голос начальника службы безопасности. — Сингапур на вто-

рой линии. Переподключить?

— Да, — бросаю я, садясь в глубокое кожаное кресло. — И подготовь отчет по портовым терминалам к завтрашнему утру.

Я нажимаю кнопку, надеваю гарнитуру и проваливаюсь в привычный мир цифр, котировок и юридических формулировок. Здесь все понятно. Здесь действуют законы логики: если партнер блефует, ты ломаешь его позицию фактами; если поставщик срывает сроки, ты включаешь штрафные санкции. Здесь нет места неопределенности.

Разговор длится сорок минут. Я продавливаю скидку в восемь процентов на транспортировку руды, согласую график платежей, коротко прощаюсь и отключаю связь.

В кабинете снова гаснет гул голосов. На часах почти девять вечера.

И в этой возобновившейся тишине я слышу тихий, нерешительный шорох.

Звук идет от двери. Едва заметный скрип, шорох ткани о наличник. Я поднимаю голову от мониторов. Дубовая створка приоткрыта на пару дюймов, и в образовавшуюся щель падает слабый теплый свет из коридора.

Я замираю.

За все двадцать два дня, что Соня живет в этом доме, она ни разу не подходила к моему кабинету. Она вообще передвигалась по первому этажу бесшумными перебежками — из своей спальни в столовую, из столовой обратно под над-

зором нанятой гувернантки. Если мы сталкивались в коридоре, она вжималась спиной в стену, опускала голову и ждала, пока я пройду мимо, словно надеялась стать прозрачной.

Когда три недели назад на трассе под Владимиром фура смяла машину Леры, мой мир дал трещину, которую не залить никакими деньгами. Лера — единственное, что связывало меня с понятием «родная кровь». Моя младшая сестра, глупая, упрямая девчонка, которая вечно лезла не в свои дела и единственная не боялась спорить со мной за семейными обедами.

Я помню каждую секунду той ночи: звонок дежурного МЧС, вой вертолета санавиации, запах жженого машинного масла и крови на реанимационном столе. Леру собирали по кускам шестнадцать часов. Ведущие хирурги страны, которых я поднял с постелей среди ночи звонками из приемной вице-премьера, вытащили ее с того света буквально за волосы. Но сейчас она в коме. В институте скорой помощи, под аппаратами ИВЛ и датчиками внутричерепного давления, куда вход запрещен всем, включая меня.

А Соню привезли ко мне.

Шесть лет. Худая, бледная, в дурацкой розовой куртке, залитой слезами. Она просто замолчала на вторые сутки, когда поняла, что мама не приедет ни завтра, ни послезавтра.

Я нанял лучшую няню с рекомендациями из британских агентств. Вызвал детского психолога с европейской практикой, чей час стоит как комплект хорошей резины для моего

внедорожника. Психолог разложил передо мной карточки, говорил про «острую фазу ПТСР», «регресс речевых функций» и «необходимость бережной социализации». А Соня смотрела на него остекленевшими глазами и при попытке заговорить начинала мелко, судорожно трястись, проглатывая несчастную букву «р» и окончательно уходя в немоту.

Я не знал, что с ней делать. В контрактах нет пункта об управлении детским горем. Я мог оплатить любую палату, любой курс реабилитации, купить ей половину игрушечных фабрик мира, но я не мог вернуть ей мать. А находиться с ней в одной комнате дольше пяти минут было невыносимо: ее взгляд, полный ужаса и немого вопроса «Когда придет мама?», выжигал мне внутренности.

— Соня? — негромко окликаю я, не двигаясь, чтобы не спугнуть. — Зайди.

Щель расширяется. В кабинет несмело входит тоненькая фигурка в серой фланелевой пижаме с нелепыми нарисованными пандами. В руках держит любимого плюшевого зайца с оторванным ухом. Она останавливается у границы света от зеленой настольной лампы. Пальцы судорожно комкают плюшевую лапу.

Я смотрю на нее, и привычная тяжесть опускается на плечи. Я жду. Жду того, что происходит каждый раз, когда мы остаемся один на один: сейчас она спросит, очнулась ли мама. Или попросит отвезти ее в больницу. И мне снова придется надевать каменную маску и ровным, безжалостным го-

лосом объяснять шестилетнему ребенку, что в реанимацию детей не пускают, что нужно набраться терпения, что врачи делают все возможное. Врать ей взрослой, трусливой ложью, потому что сказать правду — «я сам не знаю, выживет ли твоя мать» — у меня не хватит духу.

— Ты почему не спишь? — спрашиваю я как можно мягче, но голос все равно звучит хрипло и нескладно. Я совершенно не умею разговаривать с детьми.

Соня переступает с ноги на ногу. Смотрит не в пол, как обычно, а прямо на меня. В ее глазах нет прежней глухой пустоты. Там дрожит что-то живое, робкое, отчаянное.

— Дядя Глеб, — произносит она тихо.

Воздух в комнате словно густеет.

— А Полли... еще плидет?

Она проглатывает звук. Язык срывается на мягкое «л», буква «р» тонет где-то в гортани. Но она не закрывает лицо ладонями. Не прячет подбородок в воротник. Она стоит передо мной, маленькая, беззащитная, и ждет ответа.

Она пришла сама в мой кабинет, куда запрещено входить без стука даже управляющему. Пришла не за новостями о матери, а спросить про эту ненормальную клоунессу.

В груди что-то резко, болезненно сжимается. Перед глазами вспыхивает картина двухчасовой давности: Соня, хохочущая на полу среди мусора и пластилина. Ее растрепанная челка, покрасневшие щеки и звонкое, победное: «Р-р-разойдись!». Тот серебристый, захлебывающийся смех, ко-

того я ни разу не слышал за все три недели.

Я не смог вытащить из нее ни слова. Дипломированный психолог добился лишь того, что она начала заикаться. А рыжая девчонка с улицы просто села на персидский ковер, обозвала пластилин пельменем — и вернула ребенку голос.

Я медленно опускаю глаза на полированный дуб столешницы.

Там, рядом с платиновым «Паркером» и папкой сингапурских контрактов, лежит кричаще-оранжевый прямоугольник плотного картона. Я сам забрал его с консоли в прихожей перед тем, как подняться наверх. Зачем — не знаю. Рука сама дернулась, зацепив визитку между ключами и часами.

«Агентство “Шапито”. Полина Воронцова. Праздники любой сложности. Даже невыполнимые».

Дурацкое название.

Я перевожу взгляд на Соню. Она ждет. Ее маленькие плечи едва заметно вздрагивают, заячье ухо скручено в тугой узел. Если я сейчас скажу «нет» — я сломаю то единственное, тонкое, как паутина, доверие, которое только что проклюнулось между нами.

— Придет, — говорю я.

Слово падает тяжело, необратимо, как подпись под смертным приговором моему привычному покою.

— Пыавда? — ее глаза распахиваются шире. В них вспыхивает такая острая, неприкрытая надежда, что мне на секунду становится трудно дышать.

— Я не привык бросать слова на ветер, Соня. Иди спать. Уже поздно.

— Спасибо, дядя Глеб, — шепчет она, делает шаг назад и вдруг улыбается.

Быстро, несмело, одним уголком губ — но это улыбка. Настоящая. Девочка тихо прикрывает за собой дверь, и шорох ее пижамных штанин растворяется в коридоре.

Я остаюсь один.

Тишина снова смыкается надо мной, но теперь она давит с утроенной силой. Я поднимаюсь из-за стола, подхожу к бару, наливаю на два пальца выдержанного односолодового виски и выпиваю залпом, даже не почувствовав вкуса торфа и дыма. Алкоголь не берет. Он никогда не брал меня в те моменты, когда память решала сорвать пломбы.

Девятнадцать лет.

Девятнадцать долгих, проклятых лет прошло с того ноябрьского утра, когда мир вывернуло наизнанку.

Глава 5

Будильник на тумбочке должен был зазвонить только через полтора часа, но телефон настойчиво, вибрирующе заверещал прямо под ухом в половине восьмого.

Я вынырнула из душного, тревожного полусна и вслепую шарила ладонью по мятой простыне, пока пальцы не наткнулись на холодный прямоугольник. На дисплее высвечивался неизвестный номер — короткий, солидный, с красивым чередованием семерок.

Первая мысль была абсолютно рабочей: опять склад гелиевых баллонов напутал со временем разгрузки.

— Алло? — прохрипела я в трубку осипшим со сна голосом, сгребая одеяло к подбородку. — Если это насчет баллонов с гелием, то имейте совесть, склад открывается только в девять...

— Полина?

Низкий, плотный баритон ударил по барабанным перепонкам так явственно, словно его обладатель стоял прямо посреди моей крошечной съемной спальни. В этом голосе не было и намека на утреннюю лень — только тяжелая, спрессованная энергия человека, который просыпается сразу в полной боевой готовности.

Сон мгновенно слетел. В памяти тут же вспыхнули вчерашний серый керамогранит, заляпанный пластилином ра-

ритетный ковер и огромный мужчина в расстегнутом пальто, которого мне каким-то чудом удалось заставить сесть на колени и зарычать.

Я перевернулась на спину, уставившись в побеленный потолок, и не удержалась от привычной защитной шпильки:

— Глеб Валерьевич? Неужели персидский ковер все-таки полинял от моих носков и вы звоните, чтобы потребовать компенсацию через арбитраж?

В трубке повисла короткая, гулкая пауза. Я прямо-таки физически почувствовала, как на том конце провода сжались тяжелые челюсти.

— Ковер в порядке, — отчеканил он ровно, барабанив пальцами по какой-то полированной поверхности. — Я звоню по делу. Вы свободны сегодня во второй половине дня?

— Смотря для кого, — осторожно отозвалась я, прижимая трубку плечом и пытаясь дотянуться до халата. — У меня вообще-то агентство, график расписан на неделю вперед. Заказы, реквизит, аниматоры...

— Я выкупаю ваш график, — перебил он тем самым безапелляционным тоном, каким покупают заводы или подписывают соглашения о слиянии холдингов. — Назовите сумму за три часа индивидуальной работы. Плюс двадцать процентов за срочность. В четыре часа водитель заберет вас по вашему адресу.

Внутри у меня мгновенно вскипела горячая, колючая волна протеста. Эти напыщенные хозяева жизни искренне убеж-

дены, что весь окружающий мир крутится вокруг их кошелька: достаточно назвать цифру поувесистее, и любой человек послушно встанет на задние лапки.

— Вы правда думаете, что можете купить всё на свете, Глеб? — спросила я тихо, растеряв всю напускную иронию. — Щелкнуть пальцами, перевести аванс с процентами — и люди бросят свои дела, чтобы обслуживать ваши прихоти?

— Я привык платить за результат, — отрезал он жестко, и в его низком голосе прорезались опасные, глухие ноты. — Вчера вы добились того, чего не могли добиться дипломированные специалисты за три недели. Соня заговорила. Мне плевать на ваши методы и клоунские повадки, но ребенку стало лучше. Поэтому сегодня вы приедете снова. Это деловое предложение. Чистый бизнес.

— Чистый бизнес с живыми детьми не работает, — парировала я, поднимаясь с кровати и чувствуя, как босые ступни обжигает прохладный линолеум. — Но я приеду. И не ради ваших процентов, и водитель ваш мне даром не нужен — у меня есть собственная машина. Я приеду исключительно к Соне. В четыре часа.

— Договорились, — сухо бросил он и первым нажал отбой.

В динамике зазвучали короткие, мерные гудки.

Я опустила телефон на комод и шумно выдохнула. Сердце колотилось где-то в районе горла. Невыносимый, железобетонный человек. И все же сквозь эту непроницаемую бро-

ню вчера проглянуло нечто настоящее: когда он убирал стакан с края стола, чтобы племянница не разбила его в азарте игры, в его движениях была непритворная, спрятанная в самую глубину тревога. Он понятия не имел, что делать с маленькой девочкой, потерявшей опору, но отчаянно пытался ее защитить — так, как умел.

К девяти утра я уже была в нашем полуподвальном офисе агентства «Шапито».

Здесь царил привычный, уютный творческий хаос: штативы с костюмами супергероев и принцесс, ящики с поролоновыми пирожными, коробки с конфетти и штабеля пластиковых кейсов. Мой главный аниматор Рома, долговязый студент театрального, сидел на стремянке и сосредоточенно паял провод у генератора мыльных пузырей.

— Привет, Поля! Ты как раз вовремя, — хмыкнул он, не поворачивая головы. — Там твой персональный поклонник уже второй раз за утро звонил на городской. Спрашивал, когда ты появишься.

Не успела я ответить, как колокольчик над входной дверью мелодично звякнул, и в полуподвал спустился Вадим.

Вадиму было около сорока. Владелец региональной сети детских магазинов «Чудо-остров», с которым мы познакомились полгода назад на профильной выставке товаров для праздников. Подтянутый, гладко выбритый, в дорогом шерстяном пальто песочного цвета и с неизменной мягкой,

чуть покровительственной улыбкой. Он ухаживал за мной последние три месяца: красиво, настойчиво и невероятно правильно.

В руках у Вадима был фирменный пакет из крафтовой пекани и два высоких стакана с кофе.

— Доброе утро, труженикам сцены, — тепло произнес он, опуская подношение на край моего заваленного эскизами стола. — Поля, я взял тебе латте с кокосовым молоком и корицей, как ты любишь. И миндальные круассаны.

— Спасибо, Вадим, — я улыбнулась, искренне ценя его внимание, но внутренне невольно подобралась. — Ты по какому-то срочному вопросу? Мы же согласовали поставку развивающих наборов на следующую неделю.

— Вопрос не срочный, — он снял перчатки, не сводя с меня внимательных, оценивающих глаз. — Просто хотел увидеть тебя до того, как ты утонешь в детских утренниках. И напомнить про сегодняшний вечер. В «Марио» отличный столик на восемь вечера. Посидим спокойно, обсудим планы. Не только по бизнесу.

Он сделал едва заметный шаг вперед, сокращая дистанцию, и в его взгляде проступило то самое теплое, собственническое выражение, от которого у меня каждый раз сжималось все внутри.

Вадим был идеальным кандидатом во всех отношениях. Надежный, успешный, заботливый. Разведен пять лет назад, детей нет, открыто мечтает о большом загородном доме,

большой семье и тихой гавани. И на меня он смотрел именно так — как на женщину, которая идеально впишется в этот светлый семейный пейзаж.

— Ты удивительная, Польша, — негромко добавил он, покачивая головой и глядя, как я торопливо разбираю папки. — Столько света в тебе, столько тепла к чужим малышам. Редко встретишь женщину, которая настолько создана для материнства. Из тебя выйдет потрясающая мама. Любой нормальный мужчина мечтал бы видеть тебя хозяйкой своего дома.

Слова были сказаны с искренним восхищением, но для меня они прозвучали как удар под дых.

Перед глазами на долю секунды вспыхнуло лицо бывшего мужа, Кирилла. Девять лет брака. Годы анализов, процедур, пустых надежд и тот серый мартовский вечер, когда он складывал в дорожную сумку свои свитера: «Поля, пойми меня правильно. Мужчина должен оставить продолжение. Я хочу нормальную семью, своих детей, а с тобой это тупик...»

Горло перехватило спазмом, но я натянула на лицо дежурную, сияющую улыбку — мой надежный бронезилен:

— Спасибо за комплимент, Вадим. Но насчет вечера вынуждена огорчить: у меня срочный индивидуальный выезд. Очень сложный ребенок, освобожусь поздно и буду абсолютно без сил. Так что ресторан придется отложить.

В глазах Вадима мелькнуло легкое разочарование, но он быстро взял себя в руки, снисходительно усмехнувшись:

— Опять благотворительность за копейки? Полина, ты слишком много сил отдаешь чужим проблемам. Надо думать о себе. Но ладно, я подожду. Перенесем на пятницу?

— Созвонимся, — мягко уклонилась я.

Когда за ним закрылась дверь, я обессиленно опустилась на стул и сделала глоток обжигающего кофе. Вадим был хорошим человеком. Но он искал будущую мать своих детей, строил планы на продолжение рода, а я... я не имела права давать ему надежду. Хватит с меня одного разрушенного брака.

До четырех часов время пролетело как один миг.

Вместо шумного клоунского реквизита я приготовила для Сони нечто совершенно иное. Я понимала: сегодня нельзя повторять вчерашний трюк с кривляниями и рычанием. Замокнутому, травмированному ребенку нужны разные каналы для выхода наружу.

Я уложила в плоский фанерный чемодан портативный театр теней: складную деревянную ширму, матовый пергаментный экран, мягкий теплый фонарь на гибкой ножке и набор силуэтных кукол на тонких палочках — драконов, сказочных замков, птиц и принцесс. А еще — инструменты звукоподражания: дождевую палку, сухой трескучий орех и маленький калимбу. Через тень заговорить куда легче, чем глядя взрослому в глаза: ты вроде бы прячешься за ширмой, но твой голос звучит в темноте.

Ровно в три часа мой старенький синий «Пежо», натужно

покряхтывая глушителем, выехал в сторону Новой Риги.

Осенний ливень к обеду прекратился, оставив после себя серое, набрякшее влагой небо и мокрый, усыпанный бурыми листьями асфальт. Въезжая в охраняемый поселок, я невольно сравнила местную тишину с утренним гулом города. Здесь даже сосны вдоль забора казались подстриженными по линейке службы безопасности.

На КПП шлагбаум поднялся мгновенно: охранник даже не вышел из будки, лишь сухо кивнул через стекло. Распоряжение хозяина работало безотказно.

Я остановила машину у широких ступеней особняка, заглушила двигатель и пару секунд просто сидела, глядя на панорамные окна второго этажа. Где-то там, за тонированным стеклом, жил человек, привыкший повелевать тысячами людей, но оказавшийся совершенно бессильным перед немотой шестилетней девочки.

Подхватив деревянный чемоданчик и сумку с куклами, я поднялась на крыльцо.

Массивная дверь отворилась прежде, чем я коснулась звонка. На пороге стояла Надежда — все в том же строгом темном платье, с безупречной осанкой и непроницаемым лицом.

— Добрый день, Полина, — произнесла она подчеркнуто вежливо, отступая в сторону и освобождая проход. — Проходите. Верхнюю одежду можете оставить в гардеробной.

— Здравствуйте, Надежда, — я шагнула в теплое, пахну-

щее полированным деревом и свежестью фойе. — Соня у себя?

— Ждет вас в малой гостиной. Она... — экономка на секунду замялась, и ее строгое лицо чуть смягчилось, — с двух часов караулит у окна.

В груди разлилось щемящее тепло.

Я быстро сбросила куртку, переобулась в мягкие текстильные балетки, которые всегда возила с собой для работы в домах, и подхватила чемодан.

Но дойти до малой гостиной я не успела.

С широкой мраморной лестницы донесся торопливый, неровный стук шагов. Соня не спускалась — она буквально летела вниз, перепрыгивая через ступеньку, судорожно держась за хромированные перила. На ней были светлые лосины и яркий бирюзовый джемпер — я отметила про себя, что мрачный серый балахон остался в шкафу.

Она затормозила на последней ступеньке, тяжело дыша, и впилась в меня глазами.

Худенькое личико покраснелось, челка растрепалась, а в больших серых глазах плескалась такая неприкрытая, отчаянная жажда чуда, что у меня перехватило дыхание.

— Полли! — выдохнула она тонко.

Она сжала в кулачке что-то лиловое. Я присмотрелась: это был вчерашний кривой пластилиновый монстр. Она не выбросила его, не спрятала. Она держала его в ладонке, согревая теплом своего тела.

— Привет, Ваше Высочество, — я опустилась на одно колено прямо на гладкий керамогранит, бережно ставя чемодан рядом, и широко развела руки.

Соня не колебалась ни секунды. Она сорвалась с места и всем тельцем врезалась в меня, обвивая ручками за шею и утыкаясь прохладным носом в вырез моего горчичного свитера. Маленькое сердце колотилось под тонкой тканью джемпера часто-часто, как у пойманной синицы.

— Ты... пришла, — прошептала она мне в ухо. Звук «р» получился глухим, едва намеченным, но это было твердое намерение его произнести. — Дядя Глеб сказал, что ты... не обманешь.

— Конечно, не обману, — я крепко, бережно прижала ее к себе, вдыхая знакомый запах детского шампуня и ромашки. — Разве драконы и принцессы нарушают клятвы? Смотри, что я притащила. Это волшебная коробка. В ней живут тени, которые умеют рассказывать сказки только тем, кто умеет громко рычать.

Соня отстранилась, с восторгом разглядывая резной фанерный ящик, и вдруг заговорщицки понизила голос:

— А монст-р-р... с нами пойдет? — она протянула мне ладошку с пластилиновым комком.

— Без него нас даже в зрительный зал не пустят, — заговорщицки подмигнула я. — Он у нас главный контролер билетов!

Соня коротко, счастливо прыснула, зажимая рот ладо-

шкой, и в этот момент над нами раздался звук шагов.

Тяжелых. Мерных. Неторопливых.

Я подняла голову, все еще сидя на одном колене и придерживая девочку за плечи.

На верхней площадке лестницы, оперевшись ладонью на перила, стоял хозяин дома.

Темно-синяя рубашка с расстегнутым воротом, безупречные темные брюки, руки в карманах. Он смотрел вниз — на меня, на свою сияющую племянницу, на рассыпанные по полу чемоданные ремни. На его жестком, словно высеченном из камня лице не дрогнул ни один мускул, но в темных, глубоких глазах мелькнуло нечто такое, от чего по моей спине пробежали колющие мурашки.

Ни высокомерия, ни холодной отстраненности. Там было напряженное, острое внимание хищника, который неожиданно для себя обнаружил, что в его идеально выстроенные укрепления без боя проник чужак.

— Добрый день, Полина, — произнес он негромко.

Голос эхом прокатился под высоким потолком холла.

Я медленно поднялась на ноги, отряхивая колено, и прямо встретила его тяжелый, немигающий взгляд.

— Добрый день, Глеб Валерьевич. Мы как раз собирались закрывать сказочный портал. Надеюсь, у вас найдется немного темноты для настоящего театра?

Уголок его губ едва заметно дернулся вверх — почти незаметно, на долю миллиметра.

— Темноты в этом доме, Полина, всегда было более чем достаточно, — отозвался он глухо. — Проходите в малую гостиную. Я... скоро спущусь.

Он развернулся и ушел в глубину коридора второго этажа, а Соня крепко ухватила меня за палец своей теплой ладонью и потянула вперед, вглубь огромного, застывшего дома, который прямо сейчас, комната за комнатой, начинал оттаивать.

Глава 6

Малая гостиная на первом этаже подошла идеально. Здесь не было гулкого эха двухсветного холла, а тяжелые графитовые шторы, стоило задернуть их до упора, наглухо отсекали промозглые подмосковные сумерки, превратив комнату в уютную полутемную шкатулку.

Мы устроились прямо на полу у низкого журнального столика. Я щелкнула тумблером: маленький фонарь с теплой линзой вспыхнул за натянутым пергаментом деревянной ширмы, залив комнату мягким янтарным светом.

— Смотри, Совенок, — прошептала я, доставая из чемодана тонкие силуэты из плотного картона на бамбуковых шпажках. — Сейчас здесь вырастет целый мир.

Соня сидела по-турецки, поджав ноги и затаив дыхание. Ее глаза, в которых отражался желтый круг фонаря, казались огромными. Она сжимала в ладонях пластилинового уродца, но пальцы уже не дрожали.

Я провела перед экраном резной силуэт раскидистого дуба, затем — остроконечные башни замка. Пергамент ожил. Черные четкие контуры дрожали в теплом мареве, создавая иллюзию глубины.

— Далеко-далеко, за семью туманными перевалами, стоит древний город, — начала я негромким, тягучим голосом сказителя, покачивая шпажку с фигуркой крылатого зверя.

— И жили в нем самые разные существа. Но правил городом не король, а мудрая хранительница.

Я протянула Соне фигурку женщины в длинном плаще с короной из звезд. Девочка осторожно взяла гладкую палочку двумя пальцами, словно боялась сломать хрупкую тень, и поднесла к свету. Силуэт лег на пергамент.

— Это... она? — еле слышно спросила Соня.

— Она. Самая добрая и сильная. Но однажды налетел злой вихрь из черных камней и перевернул всё вверх дном.

Я не называла аварию аварией. Детская психика мыслит архетипами — ей нужен образ врага, с которым можно бороться, а не бездушная сводка ГИБДД о гололеде и фуре с прицепом.

Соня медленно опустила фигурку хранительницы на столик. Ее тонкие пальчики вцепились в деревянную кромку ширмы.

— Вихль... был ст-р-рашный, — произнесла она с усилием, налегая на горловое «р». — Он сломал колесницу. И унес ее.

— Да, — мягко подхватила я, наблюдая за ее лицом. — Унес далеко-далеко.

— В башню, — глухо сказала Соня. Она подняла на меня глаза, и в них блеснули слезы, но голос больше не срывался в шепот — она хотела выговорить это. — В стеклянную башню. К ней нельзя зайти. Потому что она спит.

Она сглотнула тяжелый ком, мешавший дышать.

— Полли... она заколдованная пли... принцесса? Ее заколдовали, да? Поэтому она лежит с закрытыми глазами и к ней привязаны проводочки?

В горле у меня встал колючий ком. Образ реанимации, переведенный детским сознанием на язык сказки, чтобы окончательно не сойти с ума от ужаса. Проводочки, белые стены, непреодолимый запрет взрослых.

Я накрыла ее холодную ручку своей ладонью, осторожно согревая.

— Да, Соня. Ее заколдовали. Это очень тяжелый, глубокий сон. Когда на человека обрушивается такая беда, душа уходит далеко-далеко — в хрустальные лабиринты, чтобы починить то, что разбилось. Ей нужно время, чтобы собрать силы.

— Но она... она может заблудиться? — Соня всхлипнула, и по ее бледной щеке скатилась крупная прозрачная капля. — В лабиринте темно. Если она не найдет выход, она... никогда не вел... вернется?

Она задала тот самый вопрос, который камнем лежал на сердце у всех в этом доме. Вопрос, от которого взрослые прятались за закрытыми дверями кабинетов и спасительными формулировками врачебных консилиумов.

— Заколдованной принцессе нельзя заблудиться, если у нее есть маяк, — твердо и уверенно сказала я, глядя прямо в ее заплаканные глаза. — В таких сказках всегда есть одно древнее правило: чтобы человек сумел найти обратную до-

рогу из темного сна в наш мир, на границе должен стоять страж.

— Ст-р-раж? — повторила она, затаив дыхание.

— Самый преданный и храбрый. Тот, кто держит огонь. Страж не плачет от страха, страж не прячется под кровать. Он учится быть сильным. Он каждый день подает знак: «Я здесь. Я жду тебя. Дорога открыта». И принцесса в своем сне слышит этот зов. Чувствует тепло. И шаг за шагом идет на свет.

Слезы полились по щекам Сони ручьями, но ее маленькое личико вдруг напряглось, утрачивая детскую беспомощность. Она сжала кулачки так, что побелели костяшки.

— Я... я буду ст-р-ражем! — выкрикнула она звонко, с отчаянным, переливающимся рычанием, захлебываясь слезами. — Я буду дер-р-ржать огонь! Я не буду бояться букв! Я скажу ей, куда идти!

Она прижалась лбом к пергаментному экрану, сотрясаясь от рыданий, но это были уже не те мертвые слезы оцепенения, которые выжигали ее изнутри три недели. Это был прорыв плотины. Живая, очищающая гроза, смывающая застарелый кошмар.

Я обняла ее за худенькие плечи, притянула к себе, позволяя выплакаться на моем плече, и тихо гладила по спине, шепча бессмысленные, убаюкивающие слова.

И в этот момент, подняв взгляд поверх головы девочки, я замерла.

Двойные дубовые двери малой гостиной были бесшумно приоткрыты. В узком проеме, наполовину скрытый тенью темного коридора, стоял Глеб.

Неподвижный. Огромный. Скрестив руки на груди, он опирался плечом о косяк. В золотистом отсвете нашего маленького театрального экрана его лицо казалось высеченным из темного базальта, но в глазах... Там застыло такое глухое, оглушающее потрясение, словно кто-то только что выстрелил ему прямо в грудь, а он забыл упасть.

Сколько он стоял там? Пять минут? Десять? Слышал ли он про лабиринт, про хрустальную башню, про стража?

Наш взгляд скрестился через полумрак комнаты. На секунду воздух между нами словно натянулся, завибрировал струной. Ни он, ни я не сделали попытки отвести глаза. В его темных зрачках полыхнуло что-то дикое, острое — смесь боли, сопротивления и внезапного, почти пугающего узнавания.

В коридоре слышались мягкие шаги, и чары мгновенно рассеялись.

Глеб плавно, словно растворившись в полутьме, отступил назад, исчезая из проема ровно за секунду до того, как у двери появилась Надежда.

— Софья, — негромко, но строго произнесла экономка, заглядывая в комнату. — Полдник готов. Теплые творожники и ягодный морс остывают. Мойте руки и идите в столовую.

Соня отстранилась от меня, торопливо вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони. Она шмыгнула носом, взглянула на меня сияющими сквозь слезы глазами и потянула за рукав:

— Полли, пойдем со мной! Там твол... творожники с малиной, они очень вкусные, правда!

Я мягко улыбнулась, проводя пальцем по ее растрепанной челке:

— Нет, Совенок, иди сама. Стражу нужно как следует подкрепиться перед вечерней вахтой. А я пока соберу наши те-ни и уложу их спать в коробку, чтобы они не растеряли свои сказки до следующего раза. Беги.

Она помедлила секунду, словно проверяя, не исчезну ли я, пока она ест, но потом решительно кивнула:

— Я быст-р-ро!

И убежала, вприпрыжку догоняя Надежду по коридору. Дверь закрылась.

В гостиной воцарилась абсолютная, плотная тишина. Я шумно выдохнула, чувствуя, как с плеч свинцовой тяжестью оседает усталость. Работа с чужим горем всегда забирает кусок собственной души — его не восстановить никакими гонорами.

Я опустила на пятки перед столиком и потянулась к тумблеру фонаря, чтобы выключить свет.

— Не выключайте.

Низкий, чуть хриловатый голос прозвучал из темного уг-

ла комнаты так неожиданно, что я едва не выронила картонный силуэт дракона.

Сердце глухо ухнуло вниз.

Я медленно повернула голову.

Глеб стоял у закрытого окна, растворившись в тени тяжелых штор. Я была уверена, что он ушел вместе с Надеждой, но он остался. Он стоял там все это время, в темноте, не издав ни единого звука.

Он шагнул вперед, выходя в слабый конус янтарного света, струившегося от пергаментного экрана. Без пиджака, в темно-синей сорочке с расстегнутым воротом, он казался еще крупнее, еще монументальнее.

— Вы напугали меня, Глеб Валерьевич, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и насмешливо, хотя пульс предательски колотился в висках. — Любите подкрадываться в темноте? Это новая опция для владельцев заводов?

Он не улыбнулся. Подошел ближе, остановившись у противоположного края ковра. Взгляд его темных глаз скользил по моему лицу — цепко, тяжело, словно он пытался прочесть текст, написанный на незнакомом ему языке.

— Зачем вы это сделали? — спросил он тихо.

— Что именно? Нарушила правила противопожарной безопасности с помощью фонарика на батарейках?

— Вы повесили на шестилетнего ребенка ответственность за жизнь матери, — отчеканил он, и в его голосе прорезались знакомые жесткие ноты командира, привыкшего препариро-

вать чужие ошибки. — Сделали ее «стражем». Если Лера... если моя сестра не выкарабкается, Соня решит, что это она плохо держала огонь. Вы понимаете, какой груз на нее взвалили?

Я медленно поднялась с пола, отряхивая брюки. Мы снова стояли друг напротив друга: метр шестьдесят пять против его почти двух метров гранита. Но отступать я не собиралась.

— А что предлагали ей вы, Глеб? — спросила я, глядя ему прямо в переносицу. — Стерильную палату? Молчаливых охранников? Британскую гувернантку, которая учит держать вилку, пока мать умирает на аппаратах? Вы хоть понимаете, что страшнее всего для ребенка в такой ситуации?

Желваки на его выбритых до синевы щеках каменели, но он молчал, слушая.

— Бессилие, — тихо, с нажимом продолжила я. — Когда взрослые шепчутся по углам, отводят глаза и врут: «Все будет хорошо, детка, иди поиграй». Она чувствовала себя брошенной и абсолютно бесполезной. А когда у человека появляется задача — пусть даже сказочная, пусть иллюзорная, — у него появляется точка опоры. Она больше не жертва трагедии. Она боец. Она защищает маму.

Глеб тяжело выдохнул сквозь зубы.

Он сделал шаг вперед — еще один, сокращая разделявшее нас расстояние до опасного минимума. Теперь от него пахло холодным осенним ветром, дорогим табаком и горь-

коватым цитрусовым парфюмом. Воздух между нами стал густым, теплым и тревожным.

— Вы говорите так, будто сами прошли через это, — произнес он глухо, не сводя с меня глаз.

— Все мы через что-то проходили, — уклонилась я, чувствуя, как по коже бегут мурашки от его близости. — Просто одни строят вокруг себя бункеры из бетона и денег, а другие предпочитают оставаться живыми. Даже если это больно.

Уголок его рта едва заметно дрогнул — не усмешка, скорее болезненная судорога.

— Живыми быть невыгодно, Полина. Слишком высокие риски. Слишком большие издержки при банкротстве.

— А вы перестаньте оценивать людей как складские запасы руды, — парировала я, вскинув подбородок. — Глядишь, и дышать станет легче.

Мы замолчали.

В гостиной снова повисла тишина, она вибрировала от странного, тягучего напряжения, которое нарастало с каждой секундой. Взгляд мужчины напротив медленно скользнул вниз — по моим губам, по открытой шее — и снова вернулся к глазам. В нем вспыхнуло то самое темное, неодолимое пламя, которое мужчины его породы привыкли гасить усилием воли. Но сейчас воля давала сбой.

— Вы абсолютно не подходите для этого дома, — произнес он очень тихо, и его низкий тембр отозвался дрожью где-то глубоко у меня в животе. — Слишком много шума.

Слишком много цвета. Вы мешаете.

— Так увольте меня, — выдохнула я, не делая ни шага назад. Вызов повис в воздухе, острый, как лезвие бритвы. — В чем проблема?

Глеб медленно поднял руку. На мгновение мне показалось, что он коснется моего лица — его пальцы зависли в нескольких сантиметрах от моей щеки, отдавая сухим, обжигающим жаром. Мое дыхание сбилось. Я замерла, не в силах пошевелиться, разрываясь между паническим желанием отшатнуться и необъяснимой, пугающей тягой податься навстречу этому теплу.

Рука опустилась на деревянную рамку ширмы театра теней. Пальцы сжали полированное дерево так, что оно едва слышно скрипнуло.

— Проблема в том, Полина, — произнес он с глухой, вибрирующей хрипотой, глядя мне прямо в душу, — что без вашего балагана здесь опять наступит мертвая тишина. А я не позволю Соне снова замолчать.

Он резко отпустил ширму, развернулся и пошел к выходу. У самой двери он бросил через плечо, уже вернув голосу привычную холодную сталь:

— Закончите здесь — жду вас в кабинете. Нам нужно обсудить график ваших визитов на следующую неделю.

Дверь за ним тихо защелкнулась.

Я осталась стоять посреди темной комнаты, чувствуя, как дрожат колени, а щеки пылают так, словно я провела час у

раскаленной печи.

Глава 7

Деревянные фигурки теней я складывала в коробку механически, почти вслепую, потому что пальцы предательски и мелко дрожали.

Пришлось опереться ладонями о низкий столик и сделать несколько глубоких, судорожных вдохов, чтобы заставить сердце перестать колотиться о ребра, как о прутья клетки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.